

*Ирина Анатольевна ПОЛОВОДОВА —
аспирант кафедры истории русской литературы*

УДК 821.09+821.51.09

РЕГИОНАЛЬНАЯ КРИТИКА О ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫХ ИСКАНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ НАРОДОВ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка показать своеобразие и значение региональной критики в осмыслении становления и развития национальных литературных явлений. Особенности восприятия произведений ненецких писателей И. Истомина, Л. Лапцуя, В. Ледкова, А. Неркаги и ханты Е. Айпина, Р. Ругина раскрываются в контексте отечественной литературной критики.

Reviews of the regional critics on жанre-and-style surveys of writers describing the Tyumen North populations. In the article the attended has been made to show the peculiarity and meaning of the reviews in analyzing of foundation and development of the literature phenomena.

Возникновение литератур малочисленных народов Севера относят к концу 1920-х — началу 1930-х годов. К этому времени I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера (Ленинград, 1932) утвердила проект создания 14 национальных литературных языков Севера, в том числе ненецкого, мансийского, хантыйского, селькупского.

Немалую роль в возникновении и развитии литератур малых народов Севера сыграла русская культура и литература. Для многих национальных писателей Тюменской области школой литературного мастерства явилась учеба в Ленинградском педагогическом институте им. А. Герцена, в московском Институте мировой литературы им. М. Горького. Произведения ненцев Ивана Истомина, Леонида Лапцуя, Ивана Юганпелика, Василия Ледкова, Юрия Вэлла (Айваседа), Анны Неркаги, ханты Романа Ругина, Еремея Айпина и др. публиковались центральными издательствами. Стихи, рассказы, повести, романы, созданные на национальных языках Севера, благодаря русской советской школе перевода (Л. Шкавро, М. Яснов, В. Янтовский, Н. Грудинина, И. Фоняков, Л. Гладкая и др.) стали доступны всесоюзному читателю. В настоящее время известны переводы поэзии Л. Лапцуя и Ю. Вэлла на венгерский и французский языки.

Тюменская область — полиэтничный регион, на территории которого развиваются ненецкая, хантыйская, селькупская литературы. Границы одной национальной литературы могут не совпадать с региональными границами. Помимо Тюменской области, писатели-ненцы живут в Ненецком округе Архангельской области, в Долгано-Ненецком округе Красноярского края.

Критике региона присуще понимание внутреннего единства русской литературы и малых народов Тюменского Севера. «В процессе эстетического взаимодействия они «составили сущностное онтологическое единство ямальской художественной литературы» [17. С. 88].

Большую роль в межкультурном взаимодействии сыграла региональная критика, оказавшая несомненное влияние на становление писателей народов Тюменского Севера, на развитие региональной культуры в целом. Заслуга критиков региона — в стремлении открыть творчество северных литераторов все-российскому читателю. Свои рецензии они помещали в центральной периодической печати («В мире книг», «Литературная газета», «Дружба народов», «Север-

ные просторы» и др.), на страницах газет и журналов других регионов («Урал», Екатеринбург, «Полярная звезда», Якутия, «Сибирские огни», Новосибирск, «Правда Севера», Новый Уренгой, «Красный Север», Салехард, «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец» и др.).

Литературная критика Тюменского региона формировалась почти одновременно со становлением национальных литератур. В начале 1930-х годов на территории ненецких округов формируются литературные центры: в г. Нарьян-Мар (Красный город) Архангельской области и в г. Салехарде Тюменской области.

В становлении литературной жизни в Нарьян-Маре принимали участие начинающие тогда русские журналисты и писатели Георгий Суфтин и Иван Меньшиков. В 1929 г. они основали здесь окружную газету «Нарьяна Вындер» («Красный тундровик»), выходившую на русском языке, и газету (позже альманах) «Заполярье» (1935-1936), вокруг которых было организовано литературное объединение «Заполярье». Его участниками поначалу явились русские журналисты Павел Усов, Павел Негодяев, а затем ненецкая молодежь: Ефим Соболев, Егор Талеев, Стеша Андреева, Иван Хантазейский, Андрей Ного и Семен Ноготысый (некоторые из них учились на факультете народов Севера ленинградского Восточного института). Деятельность начинающих литераторов отметили московский журнал «Литературная учеба», газета «Правда», журнал «Звезда Севера» (Архангельск). Обращаясь к рассказам П. Усова, Ф. Дмитриева, редакция «Литературной учебы», приветствуя их стремление «показать мрачное прошлое и радостное, волнующее настоящее возрождающегося ненецкого народа», подвергала творчество национальных авторов обстоятельной критике. Стихи ненецких поэтов характеризовались «бедностью словаря», казались похожими на «слабые переводы». Причины этого в том, что начинающие литераторы «пишут свои стихи на русском языке одновременно с первоначальным изучением этого языка». Во-вторых, подчеркивалось, что в их творениях «отсутствуют особенности края, внешние черты и характер людей, населяющих этот край, отсутствуют обычаи, быт и нравы ненцев, колорит местной природы... Трудности, стоящие перед молодыми поэтами-ненцами, — огромны» [21. С. 145].

В Салехарде литературная жизнь формировалась силами местной интеллигенции. С 1930 г. здесь начинает выходить газета «Красный Север» на русском и ненецком (с 1953 г.) языках. В 1932 г. при Салехардском педтехникуме по инициативе преподавателя русского языка Петра Емельяновича Чемагина создается ненецкий литературный кружок. Московский критик В. Огрызко, работая в фондах окружного краеведческого музея в Салехарде, в первом номере (1937 г.) журнала «Ямал тату» («Искры Ямала») обнаружил заметку директора техникума И. И. Годисова «Итоги работы училища», автор которой сообщал: «Наш литературный ненецкий кружок существует с 1932 г. ...В него входят: Вануйто Устин, Вануйто Георгий, Ненянг Михаил, Ненянг Костя Егорович. Вначале собирали фольклорный материал (сказки и др.). <... > За период 1932-1937 гг. литкружком написаны 2 пьесы на родном языке, переведено 4 стихотворения, переведена «Сказка о рыбаке и рыбке» и сделано много других переводов для стенгазеты» [5. С. 495]. В журнале «Ямал тату» печатались произведения И. Истомина, П. Чемагина, И. Окотэтто, Л. Киселева и других авторов. В своей книге воспоминаний «Первые ласточки» И. Истомин писал: «В кружке мы обсуждали не только свои произведения, но и свои небольшие доклады по теории литературы» [6]. Таким образом, можно говорить о том, что к концу 1930-х гг. на Ямале одновременно с появлением литературных печатных изданий начинает складываться внутрикружковая литературная критика, критика писательская.

Середина 1950-х годов — начало активного развития литератур народов Севера. Критики Тюменского региона приветствовали сам факт появления литературных произведений у народов, письменность которых появилась только в 1920-е гг. В их откликах — единодушное признание художественной одаренности писателей-северян, национального своеобразия их творчества.

Критики обратили внимание на «самобытность темы», «свежесть художественных образов» «искренность поэтического голоса» в поэзии Ивана Истомина [10. С. 68]. Лирические стихи Л. Лапцуя были отмечены «сердечностью» [11. С. 22]. Стихи И. Юганпелика — «задушевностью и светлым лиризмом при изображении родных ему тружеников Ямала» [11. С. 21]. «Непритязательные» по форме, стихи ненецких поэтов Архангельской области В. Ледкова и А. Пичкова обратили на себя внимание «свежестью поэтической интонации, душевной щедростью» [15. С. 4].

В произведениях литераторов Севера нашли широкое отражение картины жизни своего народа, его прошлого, настоящего и будущего. В первых творениях национальные авторы пытались прежде всего отразить социально-экономические изменения в родном крае. Это обусловило преимущественный социологический, тематический характер оценок их творчества критиками региона. Тюменский филолог Л. Полонский выделил присущие поэзии И. Истомина темы «радостного труда... на просторах Обского Севера», «прославление Советского Ямала» [10. С. 67]. В такой направленности тематики творчества писателей Севера виделось расширение художественного кругозора авторов, не ограниченного национальными рамками, тяготеющего к интернациональному охвату событий. В оценке Л. Полонского Истомин-поэт — «не певец северной экзотики, а реалист, просто, без ложных прикрас описывающий труд, преобразывающий облик... сурового Ямала» [10. С. 67]. Подобные темы отмечались критиками региона в стихах И. Юганпелика [11. С. 21], В. Ледкова [7. С. 3], в разных по жанру произведениях И. Истомина [9. С. 4].

Положительно оценивая стремление ненецких писателей запечатлеть происходящие изменения на родной земле, региональные критики подчеркивали, что оно не всегда находит адекватное и правдивое художественное выражение. Тюменский журналист О. Крицкая в рецензии на повесть И. Истомина «Последняя кочевка» (1955) («Тюменская правда», 1955) оценила ее как произведение «далеко несовершенное по своим художественным достоинствам». Тюменский писатель Е. Ананьев также отмечал, что «первая попытка» И. Истомина «перейти к произведениям более широкого плана (на уровне жанра — И. П.) ... не оказалась особенно удачной. Хотя сюжет повести и строится на столкновении старого и молодого поколения ненцев, но такое столкновение довольно условное. Соппротивление героев-стариков новой жизни преподносится автором как их смешная причуда, оттого на повести лежит печать идилличности и бесконфликтности» [1. С. 4]. Критики писали о расплывчатости композиции повести, растянутости и рыхлости сюжета. Автора упрекали в «отсутствии динамики действия», «перенаселенности героями» [10. С. 68]. Минусы, касающиеся композиции повести, критики ставили в упрек не только писателю, но и редактору Е. Смолиной, которая не помогла отсечь «лишние места» в ней.

Если повесть «Последняя кочевка» была оценена как идиллическая и бесконфликтная, то рассказы позволили критикам отчетливо выделить в них основные конфликты: «борьба человека с силами стихии и с самим собой, с собственными пережитками» [1. С. 4]. Однако была замечена жанровая размытость рассказов И. Истомина «Мастерство» и «Секрет». В них отметили близость производственному очерку из-за «наличия технических деталей и специальной терминологии» [11. С. 20].

Итак, замечания тюменских критиков касались задач, стоящих перед писателем, в овладении художественным языком, соответствующим природе жанра (рассказ — очерк); в соблюдении художественной меры («перенаселенность героями»), характеризующей умение автора «работать» в границах жанра.

Перед И. Истоминым возникали трудности в изображении исторического переворота не только в бытии, но и в сознании жителей Севера [12. С. 170], в убедительном показе того, «как проникали социалистические идеи в сознание людей» [1. С. 4]. Отмечалось, что в рассказе «Мастерство» упорство героев в достижении поставленной цели — это «упорство вообще, ... а не одна из индивидуальных черт конкретного человека». В рассказе «Удача» не убедило преодоление главным героем — ненецким охотником — его суеверий [12. С. 169].

В рецензиях критики не ограничивались констатацией творческих неудач, но стремились выявить их причины. Одну из них видели в недостаточном умении писателей создать полноценный характер. Герои повести И. Истомина «Последняя кочевка» показались «схематичными, лишенными индивидуальной характерности»; «... в разговорах персонажей, за редким исключением, не проявляются их характеры»; «разговоры героев в сюжете имеют две функции: информируют о происходящем и противопоставляют точки зрения на оседлость — прогрессивную и отсталую» [12. С. 170]. Русский учитель Максим Иванович и председатель колхоза Тэтоко Вануйто «произносят голо-агитационные монологи», «их речь мало индивидуализирована», а характеры не проявляются в действиях [10. С. 68]. Если герои повести были отмечены «схематизмом», то герои большинства рассказов характеризовались художественной свободой. Из семи рассказов сборника прозы И. Истомина «Последняя кочевка» критики выделили лучший — «Радость». В нем писателю удалось «через отдельные детали передать непосредственное восприятие действительности старого ненца...» [8. С. 3].

Критики региона подсказывали национальным авторам дальнейшие пути совершенствования художественного мастерства. Е. Ананьев советовал И. Истомину «более глубоко разобраться» в противоречиях жизни [1. С. 4]. Писателя призывали быть внимательней в работе над словом [11. С. 19].

Проблемы художественной формы отмечали и в поэзии национальных авторов. Подчеркивали, что некоторые стихи И. Истомина «...сбиваются на публицистический пересказ, страдают напыщенной риторикой и декларативностью» [11. С. 2]; «...порой хорошо задуманные стихи В. Ледкова портят излишняя прямолинейность, декларативность, иногда он не находит ярких и зримых поэтических образов» [13. С. 4]; в некоторых из них «много литературщины» [7. С. 3].

В период 1950-1960-х годов региональная критика, в сравнении с критикой центральной, оказалась гораздо требовательней в оценке художественного мастерства национальных писателей Севера. Отклики, опубликованные в центральной печати, носили комплиментарный характер. В них писали, что повесть И. Истомина «Последняя кочевка» «...правдиво рассказывает читателю о старых ненецких обычаях, о... буднях маленького народа Ямала»; рассказы характеризовались «правдивой, бесхитростной манерой написания» [3. С. 4]. Произведения И. Истомина убеждали в «творческой зрелости» и «высоком уровне мастерства» писателя, проявившемся в «пристальном внимании к душевным переживаниям своих героев, глубине и тонкости психологического анализа» [4. С. 195]. Сборник прозы И. Истомина «Счастливая судьба» явился убедительным выражением «национального характера и психического склада героев»: «Истомин — лирик, глубоко проникающий в думы и чаяния своего народа» [2. С. 29]. Не прибегала центральная критика к жанровым сопоставлениям произведений И. Истомина.

В ненецкой литературе появятся новые имена, но и в их творчестве будут повторяться проблемы, характерные для литературных предшественников. Тюменский журналист и публицист А. Омельчук на протяжении нескольких лет будет проявлять интерес к литературным дебютам ненцев Л. Лапцуя, А. Неркаги, ханты Р. Ругина, Е. Айпина. В заглавии одной из рецензий на произведения писателей-северян он обозначил стоящую перед ними общую проблему — «сопротивление материала».

Отмечая главное достоинство поэм Л. Лапцуя в отражении в них «живой современности», А. Омельчук пишет, что «...поэт иногда слишком торопится поспеть за бегущим днем, и тогда подлинная эпичность, в целом присущая поэту, ускользает, уступая место публицистической скороговорке». Предполагалось, что «нужна какая-то более зрелая художественная мысль, способная организовать эти масштабные структуры» [16. С. 276]. При безусловной тесной связи со своим народом, хантыйскому писателю Р. Ругину не всегда удается передать все жизненные перипетии. «Казалось бы, знакомый материал, он должен ложиться на бумагу легко и просто», но писателю трудно воссоздать его в новых для него жанрах [14. С. 3]. Неполнота раскрытия образов героев, их односторонность, заданность отмечалась в прозе А. Неркаги. В повести «Анико из рода Ного» русский геофизик Павел Леднев «...обрисован не более, чем с обстоятельностью путевых заметок: читателю остается догадываться, что пережил Павел перед тем, как попытался активно понять душу народа, в краю которого ему приходится вести поиск» [14. С. 4].

В рецензии на книгу стихов Л. Лапцуя «Радуга жизни» критик писал, что она «...не во всем ровна, не лишена недостатков, во многом ее портят длинноты и бескрылая описательность...». Это воспринималось как этапное, закономерное явление: «...новая жизнь тундровиков требует своего певца. Приметы нового просто не могут быть не воспеты, пусть и описательно» [15. С. 113, 114]. Несформированность стиля, узнаваемые следы подражания «народным преданиям» и прозе Ювана Шесталова он заметит в повести Е. Айпина «В ожидании первого снега» (1979). С сожалением им отмечалось, что «авторские симпатии выражаются декларативно, характеры не прорисованы и художественно не выявлены. Это... снижает литературный уровень. Слишком велико оказалось сопротивление жизненного материала, почерпнутого автором, не везде оно мастерски перелито в художественные формы» [15. С. 116].

К первым и последующим опытам в прозе А. Неркаги, И. Истомина, Р. Ругина, Е. Айпина проявляли заинтересованное внимание Л. Полонский, тюменские писатели Г. Сазонов, К. Лагунов, писатель-тоболяк Ю. Надточий, филологи О. Лагунова и В. Рогачев. С конца 1970-х годов в своих рецензиях они больше обращаются к вопросам выражения писателями-северянами элементов культуры своего народа, национальной самобытности характера, специфики национального художественного мышления.

В настоящее время актуальным для региональной критики является освещение вопросов жанрового своеобразия произведений писателей Севера, их связи с национальным устно-поэтическим творчеством. Произведения рассматриваются с точки зрения проявления в них национальных ценностей. Эти аспекты получают активное осмысление в работах тюменских ученых и критиков Г. Данилиной, Н. Рогачевой, О. Лагуновой; из Салехарда — Е. Сусой, И. Ного [18], Н. Цымба-листенко, Ю. Попова [19], Г. Шапоренкова [20]. Критики не могут пройти мимо экологической проблематики творчества писателей Тюменского Севера. Они воспринимают их произведения как «историческое и личностное переживание» (В. Рогачев) этой драмы, особенно остро проявившейся на рубеже веков. Концепту-

альный взгляд на развитие литературы народов Севера является отличительной чертой региональной критики последних лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Е. Книга о людях тундры // Тюменский комсомолец. 1955. 8 ноября.
2. Андриевская Н. Приглашение на Ямал // В мире книг. 1963. №4.
3. Воскобойников М. Книга ненецкого прозаика // Литературная газета. 1955. 29 декабря.
4. Гор Г., Друзин В. Молодость Крайнего Севера: о творчестве писателей Крайнего Севера // Октябрь. 1961. № 3. С. 191-195.
5. Иван Григорьевич Истомин // Огрызко В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: биобиблиографический справочник. Ч. 1. М., 1997.
6. Истомин И. Первые ласточки: Воспоминания. Новосибирск, 1982. С. 46-51.
7. Канюков А. Сэрнэ // Литература и жизнь. 1962. 25 мая. С. 3.
8. Крицкая О. Утро Ямала // Тюменская правда. 1955. 16 октября.
9. Лагунов И. Г. К 50-летию писателя // Истомин И. Счастливая судьба. Рассказы. Повесть. Стихи. Свердловск, 1967. С. 2-4.
10. Полонский Л. Иван Истомин — один из зачинателей ненецкой литературы // Сибирские просторы. 1957. №1. С. 68-69.
11. Полонский Л. Из истории ненецкой литературы. Тюмень, 1961.
12. Рясенцев Б. Утро «края земли» // Сибирские огни. 1956. № 1. С. 168-171.
13. Скороходова Т. Перед большой дорогой // Правда Севера. 1961. 1 декабря.
14. Омельчук А. Зрелость дебюта // Красный Север. 1977. 27 декабря.
15. Омельчук А. Вехи времени // Полярная звезда. 1980. №2. С. 111-116.
16. Омельчук А. «О, как тундра прекрасна» // Дружба народов. 1977. С. 275-276.
17. Рогачев В. Самоидентификация северной литературы в эпоху глобальных искушений // Филологический дискурс: Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета. Вып. 4. Тюмень, 2004. С. 88-94.
18. Сусой Е., Ного И. Мотивы фольклора в поэзии Л. Лапцуя // Космос Севера / Сост. Лагунова О. К. Тюмень, 1996. Вып. 1. С. 103-112.
19. Цымбалистенко Н. Север есть Север...: Исторические судьбы коренных народов Ямала в литературном освещении. СПб., 2003.
20. Шапоренкова Г. Видение апокалипсиса // Мир Севера. 2002. № 1. С. 93-95.
21. Швецов С. О поэтах-ненцах // Литературная учеба. 1935. № 9. С. 143-148.

*Ася Ильинична КУПРИЯНОВНА —
аспирант кафедры русской литературы*

УДК 821.161.1.09+929

АРХАИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ПРОЗЕ В. АКСЕНОВА (1960-1970-е гг.)

АННОТАЦИЯ. Общеизвестно В. Аксенов является выразителем идей поколения шестидесятников, мифологизированной фигурой своего времени. Обладая генетической связью с поколенческой, архаическая мифология в творчестве Аксенова характеризуется не меньшей значимостью. В статье в ходе анализа произведений писателя 1960 – 1970-х гг. выявляются особенности использования им мотивов и образов древней мифологии (космогонической, героической, астральной, тотемной).

Its generally known that V. Aksenov express the ideas of the generation of 60-s and is a person related to mythological ideas of his time. Being genetically connected with modern mythology, archaic mythology is not less essential in the prose of V. Aksenov. In the present article Aksenov's works of 1960 – 1970-s are analysed, the peculiarities of the motives of archaic mythology connected with cosmogony, heroism, astrology and totemism are considered.